

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДАМ

Протоиерей Александр Владимирович Задорнов

Епископ Никодим (Милаш) как интерпретатор канонического корпуса Православной Церкви

Канонический комментарий — одна из важнейших составляющих церковного правотворчества. Последнее по времени толкование всего корпуса канонов Православной Церкви выполнено епископом Далматинским и Истрийским Никодимом (Милашем). Доклад анализирует особенности этого толкования, связанные с различием неизменного и временного в канонических нормах. Особый акцент делается на интерпретации канонов в области церковных наказаний, чему было посвящено специальное исследование епископа Никодима, до сих пор не бывшее предметом изучения в русской канонической литературе. Также к анализу привлечены другие труды еп. Никодима, в частности, его нормативный учебник по православному церковному праву. В результате демонстрируется известная предвзятость еп. Никодима как в приемах канонической герменевтики, так и при комментировании конкретных норм, относящихся, прежде всего, к церковному брачному праву. В частности, это объясняет его положительную позицию по вопросу второбрачия клириков, верховенства государственного брачного права над церковным и т. д. Также отслеживается влияние канонических комментариев еп. Никодима (Милаша) на актуальное законодательство Русской Православной Церкви.

Павел Иванович Гайденко

Судебные процедуры в церковном суде Древней Руси (XI–XIV вв.)

При всём внимании исследователей домонгольской Руси и истории права к суду в Древней Руси проблема судебных процедур, почти не привлекала к себе внимание исследователей. Эта тема пока что остаётся периферийной и маловостребованной. Между тем, одним из важнейших условий признания легитимности судебного решения (постановления) являлось и является строгое следование участниками судебного процесса процедурам.

При всей малочисленности и скупости сообщений источников о церковных судах известия летописей и агиографической литературы позволяет не только реконструировать основной порядок проведения суда и порядок апелляции его решений, но и отношение современников к формальной стороне суда. Уже предварительные сообщения источников позволяют говорить о том, где, в каком порядке и с чьим участием мог совершаться святительский суд. Судя по всему, церковный суд воспроизводил практики не только византийского, но и княжеского судов.

Юлия Владимировна Ерохина

Церковное право и культура: тенденции и перспективы развития и взаимодействия

Внимание в докладе обращается к одной из актуальных проблем изучения церковного права, сформировавшейся в отдельное научное направление «Церковное право и культура» в рамках деятельности Барсовского общества.

Актуальность темы обусловлена процессами глобального переосмысления ценностных установок культуры в целом и ценностными трансформациями в системе церковного права. Предпринимается попытка экспертного прогнозирования перспектив развития взаимодействия церковного права и культуры. Новизна исследовательского подхода заключается в анализе современных тенденций, форм и направлений взаимодействия церковного права и культуры, критической оценки прогнозов перспектив и условий его эффективного развития, что позволит обсудить реалии и возможности диалога культуры и церковного права в современном мире.

Юрий Владимирович Оспенников

Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества)

Общество изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви (Барсовское общество) плодотворно работает уже в течение нескольких лет — формально с 2019 года, реально — с 2017 года, когда в СПбДА прошла первая конференция по церковному праву.

В связи с этим назрела необходимость подвести некоторые итоги, обобщить главные результаты, идеи, выявленные в ходе работы Общества противоречия. Эти сведения в настоящий момент разбросаны по отдельным заметкам — как правило, публикациям на официальном сайте — о круглых столах и конференциях Барсовского общества, отчасти находятся в работах участников этих мероприятий.

Прежде всего хочу отметить, что за прошедшее пятилетие выявились особенности «научного стиля» Общества: 1) изучение «сквозных» тем на конкретно-историческом материале отдельных этапов становления церковного права; 2) постоянное соотнесение теоретических построений с фактическим материалом, собранным и систематизированным независимо от членов Общества широким кругом исследователей, так или иначе участвующих в мероприятиях Общества; 3) поиск противоречий как в изучаемом материале, так и в разрабатываемых самим Обществом теоретических конструкциях; 4) стремление к свободной, острой и глубокой дискуссии по обсуждаемым проблемным вопросам с привлечением максимально широкого круга участников и специалистов из разных сфер знания. Так, например, обширную дискуссию среди членов Общества вызвали предложения ряда авторов трактовать церковное право как особую отрасль права или автономную систему.

В то же время за эти годы был выявлен ряд противоречий, порождающих научные проблемы, и намечены подходы к их разрешению.

Во-первых, при определении сущности канонического права распространены подходы, объединяемые его метафизическим пониманием. Однако такие подходы лишают рассматриваемое явление конкретно-исторического содержание, подменяя его искусственно сконструированными чертами, что, в свою очередь, приводит к серьезным противоречиям в исследованиях, в преподавании, в практике применения.

Во-вторых, тот же метафизический подход порождает схожие проблемы при трактовке источников церковного права. В ходе работы Барсовского общества было убедительно показано, что актуальной задачей для исследователей является уточнение системы источников церковного права для каждого этапа его эволюции, поскольку только на этой основе возможно адекватное понимание церковного права или отдельных его институтов.

В-третьих, обнаруживается целый ряд противоречий между церковным и светским правом на уровне принципов. Особенно это актуально для современного периода. Принимая во внимание весьма широкий спектр озвученных на проводимых мероприятиях мнений, тем не менее большинство членов Общества согласилось, что система принципов,

определяющих действие церковного права, изменялась с течением времени, в связи с чем не только нет препятствий, но и крайне желательна масштабная работа по заимствованию по крайней мере части принципов светского права. При этом необходимо учитывать, что целый ряд принципов действующего церковного права потенциально способны породить как внутренние противоречия в церковном сообществе, так и внешние (например, отсутствие публичности и гласности, обвинительный характер церковного судопроизводства — при том, что в нем присутствуют элементы состязательности, которые могут быть усилены, и для этого есть возможности, — принцип иерархии, противоположный принципу демократизма, принцип делегирования судебной власти епископом и ряд других).

Наконец, в-четвертых, имеющие место попытки введения в светские образовательные заведения учебных курсов по дисциплине «Каноническое (церковное) право», как правило, приводят к противоречию между светским характером образования и односторонним представлением материала программ с позиций религиозного знания. При изучении вопроса в учебных материалах был выявлен ряд внутренних противоречий: 1) несоответствие содержания декларируемой цели — сформировать у выпускников (теологов) «правовой подход к решению проблем, возникающих во внутрицерковной и внешнецерковной жизни»; 2) ряд положений вступают в очевидное противоречие с сегодняшними реалиями: отсутствие сословного устройства и «клир как особое сословие», светский характер государства и «православие как государствообразующая религия Русского народа»; 3) принципы правотворчества и рассуждения о «законодательной деятельности Церкви», и т. д.

Подводя итог, можно сделать вывод, что выявленный комплекс противоречий в фактическом материале и в преподавании учебных курсов по дисциплине «Каноническое (церковное) право» в сжатом виде отражает весьма сложную ситуацию с неопределенностью целого ряда ключевых категорий, фундаментальных для церковного права, на изучении и научном определении которых сосредотачивает свои усилия Барсовское общество.

Алексей Викторович Ведяев

Осуждение Архиерейскими Соборами Русской Православной Церкви уклонившихся в раскол священников

Осуждение клириков такими высокими инстанциями, как Архиерейские Соборы, осуществлялось дважды за последнюю четверть века (в 1997 г. и в 2008 г.) и было обусловлено их участием в раскольнической деятельности. В научной литературе отсутствует анализ этих процессов с церковно-правовой точки зрения, что делает этот вопрос актуальным. Новизна заключается в их обобщении, что может иметь практическое применение для совершенствования нормативной базы и практики правоприменения. В 1997 г. вместе с анафематствованием бывшего митрополита Филарета (Денисенко) такое же наказание получил бывший священник Г. П. Якунин, а также были лишены сана три священника, примкнувшие к различным раскольническим организациям, в которых они получили сан «епископа», не признаваемый Русской Православной Церковью. В 2008 г. одновременно с осуждением анадырского епископа Диомида (Дзюбана) были осуждены клирики, принимавшие участие в его раскольнической деятельности. Суд над этими лицами продолжился на синодальном заседании через несколько месяцев после Архиерейского Собора. Всего было осуждено 7-мь клириков: один запрещен в служении, остальные лишены сана. Во всех рассмотренных делах наложенные наказания соответствовали проступкам осужденных, однако в применении канонов были некоторые проблемы (использование аналогии и икономии, каноны без санкций, подобранные не по существу дела, отсутствие указания канонов и др.). Важнейший недостаток процессуальной стороны дел — их подсудность более низким церковно-судебным органам (епархиальным) и отсутствие предусмотренных процедур по переносу вышестоящим инстанциям. Иные процессуальные недостатки — нормативная коллизия о необходимости утверждения некоторых решений патриархом, использование запрещения в служении в качестве временной меры и его бессрочное наложение, отсутствие двукратного отложения дела из-за неявки обвиняемого. Также в рассмотренных делах применялось анафематствование, несмотря на крайне редкое использование этого наказания в современной практике.

Наталья Сергеевна Семенова

Внутренние установления Русской Православной Церкви: понятие, содержание и правоприменение в контексте конституционного принципа отделения религиозных объединений от государства

Согласно статье 14 Конституции Российской Федерации «религиозные объединения отделены от государства». Данный конституционный принцип означает разделение сфер компетенций религиозных объединений и государства, а также запрет на вмешательство в исключительную компетенцию друг друга. Исключительная компетенция религиозных объединений определяется ее внутренними установлениями. В докладе будут представлены понятие и содержание внутренних установлений Русской Православной Церкви, показана проблематика, связанная с применением на практике указанного конституционного принципа; приведены извлечения из национальной и международной судебной практики, которая наглядно демонстрирует возможные рамки вмешательства государства во внутренние установления религиозных объединений, а также обязательства государства по защите права на свободу совести и вероисповедания в соответствии с национальным и международным правом.

Татьяна Анатольевна Долгополова

Церковный суд в Англии: история и современность

Развитие церковного права в Англии претерпело изменения в процессе развития. Сохранение церковных судов в современной Англии уникально с точки зрения исторической правовой основы церковного судопроизводства и современным условиям Англиканской Церкви и английского общества. Целью представляется проследить развитие и изменение компетенции церковных судов, несмотря на переход подведомственности от Римского папы к власти Короны.

Становление системы церковных судов в Англии складывалось на протяжении веков. Начиная с периода первого принятия христианства в Ирландии и формирования церковной юрисдикции в отношении первых монастырей, второй период — связан с принятием христианства англо-саксонскими королями с VI–VII в. и предоставления Церкви земельных пожалований с распространения церковного права на население деревень, влияние епископов в Витанагемоте было отражено в «Англо-саксонской правде» IX в.

В XI в., Вильгельм Завоеватель, получив одобрение Папы Римского, предоставил духовным лицам более широкие права в Англии. В результате, в Англии в норманнскую эпоху возникла, наряду с королевскими судами (Суд королевской скамьи) и феодальными судами (судами манора), целая система церковных судов, которые применяли церковное или

каноническое право. Все эти суды имели собственных судей и множество более мелких чиновников. Тогда стали часто наблюдаться столкновения между этими двумя системами юрисдикции — королевской и церковной. Одно из самых известных — ссора в XII в. Генриха II и архиепископа Томаса Бекета, возникшая в значительной степени именно на этой почве. В связи с рядом причин в Англии королевские суды сумели удержать в руках суды церковные, но, как уже отмечалось, последние имели неоспоримый авторитет во многих правовых вопросах, даже после знаменитого отказа в XVI веке от признания папского авторитета, что выразилось в практике судов «Звездной палаты» и «Высокой комиссии». Их власть была сломлена скорее гражданской войной Кромвеля XVII в., чем Реформацией Генриха VIII, но и после этого они продолжали оказывать влияние вплоть до середины XIX в.

Только в 1857 г. в королевские суды были окончательно переданы с помощью парламентского акта два самых важных вопроса из юрисдикции церковных судов: утверждение или признание подлинности завещаний и управление движимым имуществом, оставшимся после умерших.

Суд консистории Англиканской Церкви — это тип церковного суда, которые были первоначально учреждены в соответствии с Хартией короля Вильгельма Завоевателя и существуют до сих пор, хотя с середины XIX в. суды консистории утратили большую часть своей предметной юрисдикции. В каждой епархии Англиканской Церкви есть суд консистории (называемый в епархии Кентерберийской Комиссарским судом).

Судья суда консистории выступает под титулом «канцлер». Апелляции подаются из суда консистории в провинциальный суд архиепископа. В провинции Кентерберии архиепископский суд был известен как Суд Арок и возглавлялся официальным директором архиепископа, известным как декан Арок. В провинции Йорк апелляции подаются в Канцлерский суд Йорка под председательством официального доверителя архиепископа Йоркского, аудитора.

Большая часть юрисдикции, оставленной церковным судам с 1857 г., касалась контроля над освященным церковным имуществом. Другим важным аспектом их юрисдикции, который остался, была их уголовная юрисдикция в отношении духовенства.

После доклада в 1954 г. Комиссии архиепископов по церковным судам, церковные суды были переведены на законодательную основу в соответствии с Мерой церковной юрисдикции 1963 г. Юрисдикция судов консистории не была сильно изменена Мерой 1963 г., за исключением уголовной юрисдикции над духовенством.

Дальнейшая реформа в начале XXI в., когда Мера по дисциплине духовенства 2003 г. передала уголовную юрисдикцию над духовенством (кроме вопросов доктрины, ритуалов или церемоний) новым «епископским трибуналам» с современной судебной процедурой и пересмотренной схемой установленных законом наказаний.

Николай Александрович Гарнакин

Преподавание канонического права в Ленинградской Духовной Академии (краткий обзор)

В подавляющем большинстве работ, посвященных истории канонического (церковного) права в России, речь идет о периодах до 1917–18 гг. и после 1991 года. Складывается впечатление, подкрепленное даже мнением авторитетных исследователей, что в советский период каноническое право не преподавалось и не исследовалось вовсе. В докладе на примере Ленинградской Духовной Академии показывается, что каноническое право преподавалось на протяжении всего советского периода.

В моем докладе на V Барсовских чтениях — через рассмотрение биографий преподавателей Л. А. Гринченко, прот. И. Козлова и П. П. Игнатова — делался вывод о наличии преемственности в преподавании канонического права в возрожденной ЛДА. В настоящем докладе выдвигается гипотеза о возможном разделении истории преподавания канонического права в Ленинградской Духовной Академии на 2 периода: 1) с 1946 до 1966 гг. (сохранение преемственности); 2) с 1967 по 1991 гг. (преемственность в значительной мере утрачивается). Во втором периоде отмечается тенденция назначений на кафедру канонического права преподавателей, которых в определенном смысле можно назвать «случайными».

Олеся Викторовна Кулева

Преподавание новой дисциплины «Право и церковное искусство» в духовных школах: вопросы и решения

Предлагается проект дисциплины «Право и церковное искусство» для подготовки магистров теологии по направлению «Православие в контексте мировой культуры (Культура Православия)». Разработка нового направления зачастую сталкивается с рядом правомерных и неправомерных вопросов, которые ставит перед собой автор, озадачивает руководство и оппоненты, единомышленники и открытые противники. Следует отметить, что все эти вопросы помогают двигаться к основной цели. В докладе рассматриваются и предлагаются некоторые решения по следующим вопросам:

Вопрос 1: Целесообразность введения новой дисциплины, если уже есть отдельно Каноническое право, Новейшие нормативные документы и Теория и история церковного искусства. Ведь можно в данных дисциплинах ввести соответствующие темы.

Вопрос 2: Какой должна быть тематическая структура курса, какова цель и приоритетные задачи предлагаемой дисциплины.

Вопрос 3: Есть ли компетенции для этой дисциплины, позволяющие определить результат освоения образовательной программы.

Вопрос 4: Есть ли релевантная литература по дисциплине, как проверить знания у студентов и т.д.

Но, наверное, самый главный вопрос, который стоит перед преподавателем — как сделать новую дисциплину интересной.

Протоиерей Геннадий Александрович Малеев

Апелляционный суд в Православной Церкви: канонические требования и современная практика

Потенциал защиты своих интересов в суде имеет свои исторические основания, в том числе и библейские. К таким, защищаемым интересам относится и феномен апелляции, имевший место в Древней Церкви и получивший свое развитие в канонических определениях IV–VIII веков, где предусматривается не только возможность защиты своих прав путем пересмотра дела в суде следующей инстанции, но и оговариваются причины утраты этой возможности для апеллирующих лиц. На слушании дел по несогласию с решением суда первой инстанции влияют различные факторы: состав судящих лиц, статус апеллирующего лица, характер дела, конфессиональная принадлежность, игнорирование прещений и т.п.

Современное русское церковное законодательство имеет прямую связь с вышеизложенными нормами, что отразилось в Положении о Церковном суде Русской Православной Церкви (2008 г.). Это свидетельство рецепции древних принципов в ходе правотворческого процесса, который не предполагает завершенности как у догматического процесса.

В связи с этим уместны не только параллели с древними канонами, но и новеллы в которых получают необходимую апробацию, развитие обсуждение и узаконение решения, связанные с основанием для возвращения дел на пересмотр, с подробной регламентацией апелляционного производства в суде второй инстанции, с расширением перечня оснований для надзорного производства, с изменением влияния статуса лица на возможность возвращения к прежним обязанностям и должности в случае удовлетворительного решения по апелляционному иску.

Обсуждение этих вопросов возможно, полезно и уместно, ибо если даже какая-то область церковного правотворчества в известный период и была урегулирована канонами, но в последствии открылись новые обстоятельства и возможность, то это не ставит предел или запрет на продолжение правотворчества в этой области.

Сергей Викторович Хрущёв

Роль и место доказательств в церковном судопроизводстве

Целью доклада является анализ действующих церковных нормативных актов, регулирующих деятельность церковного суда в Русской Православной Церкви.

В докладе рассматриваются значение доказательств и способы доказывания в церковных судах на основании анализа действующего законодательства. Рассматривается соотношение понятий «доказательство» и «истина» в рамках церковного судопроизводства. Раскрываются методологические основы и гносеологическая природа доказывания. Дается характеристика цели и элементного состава процесса доказывания. На основании изучения решений Общецерковного суда Русской Православной Церкви автором сделан вывод о процессуальном значении доказательств. В ходе изучения Положения о церковном суде Русской Православной Церкви изложены определения пределов и предмета доказывания, сформулированные путём использования метода аналогии права.

Выявлена проблема использования принципа состязательности в рамках церковного судопроизводства, а именно отсутствие его нормативного закрепления в Положении о Церковном Суде Русской Православной Церкви.

Автор придерживается подхода применения принципов светского права в церковной сфере и предлагает возможности расширения элементов состязательности в церковном судопроизводстве.

Александр Александрович Лушников

«Поганье» в церковном праве. Каково было правовое положение язычников в Древней Руси XI–XIII вв.?

Правовое положение язычников в Древней Руси — один из самых неисследованных вопросов в истории церковного права. К X–XI вв. уже сложился корпус источников права, в которых объяснялось, как надо поступать с язычниками, причем наказания были достаточно жестокими, их применение едва ли было широким. Сохранились отдельные канонические тексты, в которых объяснились отдельные аспекты народной жизни в соответствии с христианскими нормами, но границы их применения неизвестны. Первые известные процессы — это «расправы» над волхвами по Повести временных лет, а в редакциях церковного устава князя Владимира, приближенных к архетипу, в числе дел, принадлежавших суду митрополита и епископов, говорится именно о колдовстве.

Однако, во-первых, в летописных статьях все вопросы с волхвами решаются князьями и их представителями, о церковных судах не упоминается вовсе — и это касается даже тех земель, население которых было крещено (пример — восстание под руководством волхов в Суздале 1024 г.). Во-вторых, волхвы обвиняются прежде всего в том, что устраивали смещения и сами расправлялись над людьми во время своих обрядовых действий (особенно это заметно в статье Повести временных лет под 1071 г.). В-третьих, опасность волхов в тогдашнем обществе виделась не столько в том, что они придерживались языческих верований, а в том, что они своим колдовством могли наносить реальный урон людям.

В XIII в. ситуация меняется. В Правилах Владимирского собора 1274 г. подробно говорится о церковных наказаниях для язычников, а в Синодальной редакции Церковного устава Владимира появляется сравнительно большая вставка именно о «поганских обычаях», теперь они точно были в круге церковных вопросов.

Таким образом, действия «поганых», как предмет разбирательства, не сразу, а постепенно входил в круг вопросов, относимых к влиянию церкви. Полагаем, наиболее полно церковные власти стали им разбираться только в XIII в., что было связано как с ростом политического влияния церкви, так и изменениями в общественном сознании в древнерусском обществе после монголо-татарского нашествия.

Евгений Дмитриевич Подвальнов

Участие священников в походах древнерусских дружин: канонические, правовые и иные основания (на примере антиполовецкой кампании 1111 г.)

Среди деталей, на которые исследователи обращают пристальное внимание, в летописном описании антиполовецкого похода Руси 1111 г., является факт участия в кампании священников. До сих пор вне исследовательской оптики оставался вопрос, связанный с тем, на каком основании священники принимали участие в войнах древнерусских дружин. Действительно, среди канонических правил очевидного запрета на действия подобного рода нет, строго запрещалось только совмещение воинской службы (включая непосредственное участие в боях, убийство врагов) и служения Господу. Но ведь сопровождать рати можно было и без этого. Важно, что отсутствие фактического запрета не равно тому, что представители духовенства повсеместно в ратных походах присутствовали. Другое дело, что богатая традиция привлечения священников в походы для воодушевления войск, для покровительства небесными силами имеется в Византии, представленная рекомендациями императоров в специальных военных трактатах. В обоих случаях: в Византии и на Руси отмечается целенаправленное привлечение священников к походам. В случае с древнерусской кампанией против половцев 1111 г. есть и еще один аспект — ветхозаветный паттерн, связанный с идеей «богоизбранности» Руси. Дело в том, что изначально половцы были обозначены одним из племен измаильтян, изгнанных Гедеоном Иероваалом в Египетскую пустыню. В таком контексте включение Владимиром Мономахом священников в войско может рассматриваться, как попытка представить поход в качестве «священной войны», среди критериев которой по текстам Ветхого Завета было обязательное участие священника.

Сергей Юрьевич Тарабрин

К вопросу о каноническо-правовых основаниях открытия новых епархий в Северо-Восточной Руси в 1237–1448 гг.

Развитие структуры Русской митрополии в 1237–1448 гг. обычно рассматривается в политическом аспекте. Однако изучение создания новых кафедр через призму канонического права крайне редко привлекало исследователей. Между тем такой взгляд позволит шире взглянуть на характер церковной жизни Руси рассматриваемого периода.

Хорошо известно, что установление монгольского господства привело к существенным переменам в области канонических прав митрополитов и административно-канонического устройства Русской Церкви. Однако существует ещё целый ряд вопросов, ожидающих ответов: каковы были канонические основания для открытия новых епископий? каков был порядок их учреждения? на сколько каноничными были действия митрополита в таких шагах? почему все эти реформы коснулись преимущественно северо-востока Руси? и, наконец, каковы канонические основания переноса митрополичьей кафедр в Владимир?

Андрей Юрьевич Митрофанов

Брак королевы Матасунты и патриция Германа: религиозный аспект и канонический казус

Среди драматических событий, сопровождавших кровопролитную войну Юстиниана и Феодоры с готами в 535–552 гг., есть романтический эпизод, связанный с обстоятельствами бракосочетания остготской (остроготской) королевы Матасунты и выдающегося византийского военачальника, двоюродного брата Юстиниана, бывшего консула и патриция Германа. Причины брака Германа и Матасунты достаточно ясно и определенно изложены Прокопием Кесарийским. Этот брак соответствовал политическим традициям предыдущего V столетия, которые чаще всего, в условиях краха Западной Римской Империи и политического ослабления Восточной, определялись практикой заключения семейных союзов между представительницами римской аристократии и варварскими конунгами. Перед вторжением в Италию Герман нуждался в Матасунте — внучке Теодориха Великого — как в политическом символе, вокруг которого можно было бы привлечь колеблющихся в неприятельском стане и склонить готов на сторону Империи. Матасунта как бывшая готская королева хотела гарантировать свое положение в Константинополе приобретением особых византийских титулов, имея все основания рассматривать брак с Германом как ступень для достижения власти над Италией и племенем своего великого деда, а в перспективе — надеяться вместе с мужем и на императорскую порфиру. Становясь женой Германа, Матасунта включалась в предстоящую борьбу за наследство Юстиниана, которое, возможно, не досталось ей лишь из-за скоростижной кончины мужа.

В то же время Матасунта как внучка Теодориха и готская королева была арианкой, что являлось препятствием для ее брака с омоусианином Германом. Перед бракосочетанием (или же вскоре после него) Матасунта должна была принять омоусианство и перейти в православие через миропомазание несмотря на то, что отречение от арианской веры, которой придерживался Теодорих и его преемники, могло серьезно дискредитировать Матасунту в глазах наиболее непримиримых представителей готской дружины, и, следовательно, ослабить эффект от её присутствия в войсках Германа, на который рассчитывали ромейский военачальник и, вероятно, сам Юстиниан.

Канонический же казус заключался в сохранении Матасунтой своего арианского вероисповедания после бракосочетания с Германом, что было оправдано политическими целями Юстиниана и соответствовало традициям смешанных браков с пленницами из иной этнокультурной среды, воспринятых под влиянием гуннов константинопольской дипломатией.

Елена Юрьевна Калининна

Грех и преступление: соотношение понятий в средневековом европейском праве

Понятия греха и преступления можно считать ключевыми в европейском обществе. В эпоху средневековья они формируют государственно-правовую систему, способствуя становлению границ социального мира и общественного порядка (правопорядка). Средневековое общество имело сложные представления о преступлении и грехе. В обществе понятия преступления и греха в определённой степени совпадали с точки зрения того, какие «проступки» попадали под религиозную или светскую юрисдикцию, а какие попадали под обе.

Некоторые исследователи отождествляют понятия греха и преступления в средневековом праве, утверждая, что для людей в указанную эпоху практически не было разделения между этими понятиями. В действительности право и религиозный порядок во многом имеют одни и те же корни, и их пути окончательно начали расходиться к XVIII в. (в некоторых странах этот процесс затянулся до XX в.). Такая связь продолжает существовать и сегодня, поскольку взаимосвязаны преступление и поведение, которое общество считает морально предосудительным. Следовательно, преступления всегда будут более или менее связаны с понятием греха или социальной морали.

Если сегодня понятие греха в основном касается индивидуальных отношений между грешником и Богом, то в средневековье грех был не только индивидуальным, но и общественным актом, затрагивающим трёхсторонние отношения между Богом, грешником и христианской общиной.

С этой точки зрения можно рассмотреть понимание преступления и греха на примере такого общественно-опасного деяния как убийство на примере средневековой Испании.

Ирина Александровна Шершнева-Цитульская

Эстетические аспекты в осмыслении сущности церковного права: к постановке проблемы

Поиск новых направлений в осмыслении сущности права как социального феномена в начале XXI в. заставил правоведов отойти от узкого позитивистского подхода и проводить исследования правовых явлений с учётом иных теорий правопонимания, выдвинутых в XIX–XX вв. Представляется, что большинство теорий правопонимания, возникших как противоположный позитивизму дискурс, объединяет обращение их к социологической и индивидуалистической компоненте права, отсюда рассмотрение в рамках этих научных школ права как «живого организма», существующего через реализацию правовых предписаний конкретными субъектами права. В этом свете постановка вопроса о наличии в праве эстетической составляющей уже не может отторгаться как нечто крамольное или несуразное.

Интерес к эстетике права актуализировался на современном этапе: отечественная и зарубежная правовая наука пополнилась исследованиями, посвященными указанной тематике. Но эти исследования касались исключительно светского права, сущность права канонического (церковного) еще не подвергалась такому ракурсу научной

интерпретации. В докладе ставится в качестве проблемы возможность применения эстетического подхода в осмыслении сущности церковного права на примере православной традиции.

Прежде всего, в докладе будут рассмотрены категории эстетики, которые, как представляются автору, применимы в исследовании права как феномена «живого организма» как-то: прекрасное — безобразное, возвышенное — низменное, гармоничное — дисгармоничное. Функционирование этих принципов и в светском, и в церковном праве имеет свою специфику, которая была исторически изменчива. Если изначально эстетика права и светского, и церковного имели одинаковый источник пополнения — религиозное сознание, то в эпоху Нового времени светское право рационализировалось, разорвав связь с этикой и эстетикой религиозного сознания, что не произошло с правом церковным, которое до сих пор базируется в большей степени на религиозных этических и эстетических основах.

Представления современной правовой науки, при всем многообразии нюансов в интерпретации проблемы эстетических элементов права, можно подвести к единому знаменателю, указав на уровни проявления эстетических элементов. Среди них — эстетика правовой формы, эстетика правовых норм, эстетика правовых символов, эстетика правовой процедуры. Представляется, что эти уровни проникновения эстетических начал и принципов существуют и в церковном праве как таковые, но с иным, нежели в светском праве, смысловым наполнением.

В рамках постановки проблемы изучения эстетических аспектов церковного права автор приходит к выводу о том, что церковное право не только построено на эстетических началах, умело их использует как инструментальный воздействия на правовое сознание общества, но и в отличие от современного светского права в большей степени сохранило тесную связь с религиозной этикой и эстетикой как социальными регуляторами общественной жизни. Принципы эстетики могут выступать в качестве одного из критериев в исследовании сущности церковного права.

Александр Анатольевич Хохлов

Насилие и право в пространстве повседневности приходского духовенства пореформенного времени: постановка проблемы

Несмотря на довольно однообразный и монотонный характер, повседневная жизнь приходского духовенства второй половины XIX — начала XX вв. имела свои примечательные особенности: социальные, культурные, психологические. Однако их едва ли оправданно рассматривать вне контекста окружающей жизнь причтовой среды, оказывавшей заметное влияние на характер и самовыражение представителей клира. Так, на стыке личностных качеств священно-церковнослужителей и приходской действительности закономерно проявляли себя специфические поведенческие эффекты, нашедшие многочисленное отражение в исторических источниках. К примеру, явления вербальной и контактной агрессии, транслировавшийся в различных ситуациях священниками, диаконами или причетниками, были столь же типичны, как и прочие реакции, свойственные человеку. Закономерно, что Церковь стремилась дать им этическую и правовую оценку. Между тем, данный факт вырисовывается в довольно интересную научную проблему. К сожалению, специалисты долгое время вполне умышленно обходили ее стороной, ограничиваясь теоретизированием. Тем временем, бытовавшая в пространстве церковной повседневности реальная правоприменительная практика, оставалась исследовательской *terra incognita*. Таким образом, доклад преследует цель первичного освещения очерченной темы. В основу проведенного анализа положены принцип историзма, историко-генетический и историко-системный методы. Ключевым выводом следует считать многоплановый и нетривиальный характер приходской жизни в обозначенный период. В психологическом плане ей естественным образом была присуща поливариативность поведения представителей духовенства, тогда как дисциплинарная реакция церковной власти на подобные факты ограничивалась не только прописными нормами канонического права и церковного законодательства, но и состоянием и запросами современного ей общества, а также условиями конкретной ситуации.

Диакон Сергей Сергеевич Кульпинов

Проблема второго брака духовенства в обновленческом расколе: канонические аспекты

Проблема второбрачия духовенства остается актуальной до настоящего времени. Несмотря на существующий прямой запрет со стороны канонического права, практика второбрачия продолжает существовать в ряде Поместных Церквей негласно. Помимо этого, предпринимаются шаги к постепенной легализации второбрачия, что, в частности, имеет место в Константинопольском патриархате. Вопрос обновленческого отношения к проблеме второбрачия в церковно-исторической науке констатирован, однако подробно практически не исследовался.

Новизна настоящего исследования состоит в обобщении широкого круга обновленческих источников и составления общей картины эволюции канонических представлений о втором браке и попыток его канонической апологетики.

Целью настоящего исследования является составить наиболее полное представление об обновленческом каноническом обосновании второбрачия духовенства. Автор исследует документы, относящиеся к раннему периоду существования раскола, материалы обновленческих соборов, а также работы отдельных богословов.

Среди выводов исследования можно обозначить, в первую очередь, тот факт, что первоначально апологетика второбрачия духовенства в обновленчестве строилась на двух основаниях: революционном отрицании канонических норм и постулировании нескверности брака самого по себе. Среди оснований легализации второбрачия также указывалось стремление к нему в дореволюционный период, что было оглашено на II Поместном соборе в 1923 г. В дальнейший период истории обновленчества в качестве оснований выдвигались собственно обновленческие канонические нормы (постановления II Поместного собора и локальных соборов), а также большое внимание уделялось неканоничности Трульского Собора, которой обосновывался отказ от единобрачия духовенства. В 1930-х гг. проблема потеряла актуальность в силу ряда внешних обстоятельств, второбрачие духовенства в обновленчестве сохранялось, однако его законность не постулировалась.

Сергей Федорович Веремеев

Ещё раз о Брестской церковной унии: канонические доводы её сторонников

Брестской церковной унии и её отдельным аспектам посвящена обширная научная литература. При всём многообразии рассматриваемых в историографии сюжетов практически вне поля зрения исследователей остаётся вопрос о том, какие канонические аргументы приводили сторонники заключения унии с Римом в обоснование её легитимности и необходимости, насколько они были убедительными и какое место занимали среди иных аргументов (исторических и др.).

Между тем, изучение данного вопроса даёт возможность лучше понять позицию проуниатской стороны в «Руськой» церкви. Важнейшим источником, позволяющим найти ответ на этот вопрос, являются полемические сочинения, принадлежащие перу униатских авторов, среди которых были, в том числе, и активные участники унионного процесса конца XVI в.

Анализ содержания вышеназванных источников позволяет сделать вывод о том, что приверженцы единства с Римом в качестве доказательства правомерности своих действий ссылались на решения Вселенских и поместных соборов (рассматривая при этом Флорентийский собор 1439 г. как один из Вселенских), стремились опровергнуть легитимность Брестского собора противников унии 1596 г., упрекали оппонентов в неправильном толковании и искажении церковных канонов. Значительное внимание уделялось также обоснованию неканоничности епископских хиротоний, совершенных иерусалимским патриархом Феофаном в 1620 г. для той части духовенства и паствы «Руськой» церкви, которая не приняла Брестскую унию.